

Вермеш Г. *Христианство: как все начиналось* / Пер. с англ. — М.: Эксмо, 2014. — 384 с. Обзор подготовил: Александр Гуртаев, пресвитер церкви «Преображение» г. Самары.

Когда впервые на русском языке появилась книга Гезы Вермеша «Христианство: как все начиналось», ее поспешили окрестить «религиозным бестселлером». Однако это не сильно удивляет, поскольку издательство «Эксмо» регулярно прибегает к подобным рекламным приемам. Тем не менее, важно оценить, насколько значимый вклад в понимание Иисуса и христианства, в действительности, вносит эта книга.

Геза Вермеш (1924-2013), венгерский еврей по происхождению, известен по работе в Оксфордском Университете в области исследования иудаизма. Он был одним из первых ученых, который занимался изучением свитков Мертвого моря, и даже издал их перевод на английский язык, ставший стандартом на долгие годы. Более того, Вермеш длительное время исследовал историю иудейского народа, историю Кумрана, происхождение христианства и образ исторического Иисуса. В итоге, вдобавок к множеству статей и общей редакторской деятельности при издании «Журнала иудейских исследований» (*Journal of Jewish Studies*) он опубликовал более двадцати книг и монографий. За свои труды Вермеш получил несколько почетных степеней из различных университетов Британии, однако заплатил за них высокую цену: начав свой духовный путь римским католиком, он «вырос из христианства» и вернулся к своим корням, присоединившись к иудейской синагоге в Лондоне.

На английском языке книга Вермеша «Христианство: как все начиналось» вышла в свет в 2012 году, представляя кульминацию его исследований происхождения христианства, изложенных в доступной для широкой аудитории форме. В этой книге Вермеш предлагает проследить историю формирования христианства и его главного учения о божественности Иисуса от Назарета, в котором вырос «галилейский святой I века», проповедовавший идеи харизматического иудаизма, до Никеи, когда под влиянием эллинистической философии и мистических воззрений ранняя Церковь сформулировала догмат о божественности Христа, пройдя путь от типичного для палестинского иудеохристианства монотеизма к адаптированному для христиан из язычников представлению о Троице благодаря влиянию Павловой и Иоанновой традиции (см. Вермеш, 9). Такая картина христианских начал возвращает Иисуса в лоно иудаизма и осуждает антииудаизм ранней Церкви.

Книга начинается с «Введения», в котором автор сразу же обозначает свою позицию относительно религиозной принадлежности исторического Иисуса. Его связь с харизматическим иудаизмом Моисея и пророков прослеживается в первой главе. Вермеш раскрывает некогда изобретенное им понятие «харизматический иудаизм» и изображает ветхозаветных пророков через призму харизмы, противопоставленной религиозным установлениям Закона и системе жертвоприношений.

Вторая глава, опираясь на «достижения» исторической критики, представляет учение Христа в терминах «харизматической религии», не выходящей за рамки традиционного иудаизма. В итоге, автор приходит к выводу, что «христоцентричность не восходит к историческому Иисусу» (101).

В следующей главе Вермеш анализирует воззрения первоначального иудеохристианства, критически оценивая информацию, почерпнутую из Книги деяний апостолов, Евангелий и Соборных посланий. Учитывая связь ранней Церкви с иудаизмом

и историческим Иисусом, автор полагает, что «все титулы Иисуса в Деяниях апостолов предполагают, что он человек Божий, человек высокого духовного достоинства, но не божественное существо» (135).

Четвертая и пятая главы описывают, как богословие Павла и Иоанна изменило первоначальное «харизматическое христианство» в религию веры в смерть и воскресение богочеловека Иисуса Христа. Вермеш приписывает такую нежелательную перемену влиянию платонизма, филонизма, герметики и прочих эллинистических философий. При этом автор многократно подчеркивает несовместимость воззрений или, по крайней мере, «глубокий разрыв» между Евангелием от Иоанна и синоптическими Евангелиями, а также между Посланиями Павла и первоначальным христианством, сокрытым в Евангелиях под слоем редакторских исправлений и глосс.

В главах с шестой под девятую Вермеш прослеживает отношение к Иисусу Христу в ранней христианской литературе, начиная с Дидахе и заканчивая трудами Оригена. Десятая глава рассказывает об истории Никейского собора, настаивая на политической подоплеке принятия символа веры, отстаивающего единственность и соравенство Сына и Отца. В кратком «Послесловии» автор выражает свое сожаление о том, что постановление Никейского собора так далеко отстоит от воззрений самого Иисуса.

Учитывая высокую квалификацию автора в вопросах иудаизма, даже не должно возникать сомнений в том, что книга содержит некоторую полезную информацию об историческом и религиозном фоне Нового Завета и ранней Церкви. Например, Вермеш убедительно показывает, что переводить арамейское слово «абба» в устах Иисуса как «папа, папочка» ошибочно как в филологическом, так и в литературно-историческом плане (84). Более того, книга подчеркивает преемственность между иудаизмом и христианством, хотя и преувеличивает эту связь, а также содержит неплохой обзор раннехристианской литературы.

Однако эти положительные моменты представляются ложкой меда в бочке дёгтя ввиду той общей исторической и богословской картины, которую предлагает Вермеш. Прежде всего, он не придерживается высокого представления о Священном Писании, выступая против достоверности и целостности многих книг Библии. Что касается Ветхого Завета, он отрицает Соломоново авторство книг Премудрости (Притчи, Екклесиаст, Песнь Песней), настаивает на поздней датировке Книги пророка Даниила (ок. 160-х гг. до н. э.) и находит в Книге пророка Исаии более поздние добавления – Второисаию и Третьеисаию (74). Новый Завет страдает еще больше от историко-критических манипуляций автора. Обращаясь к Евангелиям, он регулярно прибегает к критике источников (приоритет Евангелия от Марка, Q, внедрение глосс), критике традиций и критике редакций. В результате, Вермеш, пытаясь отделить историю от «наслоений фольклорного и легендарного материала» (56-57) и «редакторских манипуляций» (71), неизбежно подвергает сомнению достоверность Евангелий: «Все ученые считают, что евангелия не во всем достоверны как исторические документы» (62). Такое же отношение распространяется и на Книгу деяний апостолов, в которой усматриваются преувеличения и изобретение речей ее героев и которой приписывается более поздняя датировка. Таким образом, Вермеш отказывается в достоверности не только Евангелиям, их речам, пророчествам, эсхатологическим воззрениям и вести о смерти и воскресении Иисуса Христа, но и Книге деяний апостолов, Соборным посланиям, большей части посланий Павла и Откровению.

Во-вторых, взгляд Вермеша на вклад Павла и Иоанна в развитие христианской мысли также сомнителен, поскольку явно противопоставляется прочим новозаветным книгам, но связывается то с идеями кумранских общин, то с эллинистическими философскими воззрениями и мистикой. В итоге, преобразовав харизматическое учение Иисуса в религию веры и переосмыслив крещение и вечерю в эллинистическом ключе, Павел создает и проповедует «величественную культовую драму с мифом умирающего и воскресающего Сына Божьего» (156). Иоанн же, в свою очередь, впервые настаивает на божественности Сына Божьего и учит обожению Его последователей (187). Такая картина христианства далека от здоровой экзегезы библейского текста, воспринимаемого как целостное и достоверное откровение от Бога.

В-третьих, образ Иисуса, начертанный Вермешем, больше согласуется с иудаизмом, нежели с христианством. Для него исторический Иисус не является божественным Христом, он был простым галилейским святым, который не называл себя Богом, не претендовал на равенство с Богом, не предвещал своего воскресения и не обещал второго пришествия. Откуда взялось такое представление об Иисусе, долго гадать не приходится: историко-критическая реконструкция, путаница между функциональным и онтологическим равенством в угоду иудаизму и отказ в достоверности любому библейскому тексту, который противоречит этой картине, – все это позволяет критику создать практически любой образ исторического Иисуса.

В конечном итоге, книга «Христианство: как все начиналось» подвергает сомнению достоверность Нового Завета, отрицает божественность Иисуса и Святого Духа, поддерживает современные харизматические тенденции и проповедует универсализм. Субъективная реконструкция новозаветной истории и богословская неортодоксальность – вот реальный вклад этой книги в понимание Иисуса и христианства. Ее чтение не рекомендуется ни простым членам церкви, ни служителям.